

НООСФЕРНЫЕ ВОЙНЫ И ФИЛОСОФИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 1:316
ББК 60.027

В. Л. Черноперов, У. И. Сулейманова

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА: ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ, КОНЦЕПЦИИ, СУЩНОСТЬ, ЦЕЛИ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ, ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ, РИСКИ

Статья посвящена одной из наиболее дискуссионных тем в современной гуманитарной и военно-теоретической науке — гибридной войне. Рассматривается генезис ее концепции во второй половине XX столетия и начале XXI века, в частности — предпосылки развития концепции «гибридной войны» — мятежевойна Е. Месснера, «четырёх-блочная война» Дж. Мэттиса и Ф. Хоффмана, «доктрина Герасимова». Предпринята попытка раскрыть сущность гибридной войны, ее цели и инструментарий по их достижению. Отдельно рассматривается вопрос о гибридной войне с точки зрения международного права. Сделан вывод о риске перерастания гибридной войны при определенных условиях в масштабный военный конфликт.

Ключевые слова: гибридная война, глобализация, международная безопасность, международное право.

V. L. Chernoperov, U. I. Suleimanova

HYBRID WAR: BACKGROUND OF APPEARANCE, CONCEPTS, ESSENCE, GOALS, TOOLS, LEGAL ISSUES, RISKS

The article is devoted to one of the most controversial topics in modern humanitarian and military-theoretical science — hybrid war. The authors examine the genesis of its concept in the second half of the XX—XXI centuries: in particular — preconditions for the development of the «hybrid war» concept, E. Messner's insurgency, J. Mattis and F. Hoffman «four-block war», «Gerasimov's doctrine»). An attempt to reveal the essence of hybrid war, its goals and tools for achieving has been made. The issue of hybrid warfare from the point of view of international law is considered separately. The conclusion is drawn of the risk of its escalation, under certain conditions, into a large-scale military conflict.

Key words: hybrid war, globalization, international security, international law.

DOI: 10.46724/NOOS.2021.3.33-46

Ссылка для цитирования: Черноперов В. Л., Сулейманова У. И. Гибридная война: предпосылки появления, концепции, сущность, цели, инструментарий, правовые вопросы, риски // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 33—46.

Citation Link: Chernoperov, V. L., Suleimanova, U. I. (2021) Gibridnaya voyna: predposylki poiyavleniya, kontseptsii, sushchnost', tseli, instrumentariy, pravovyye voprosy, riski [Hybrid war: background of appearance, concepts, essence, goals, tools, legal issues, risks], *Noosfernyye issledovaniya* [*Noospheric Studies*], vol. 3, pp. 33—46.

© Черноперов В. Л., Сулейманова У. И., 2021

Вторая половина XX века и два десятилетия XXI столетия внесли существенные изменения в осмысление феномена войны. Прежде всего, в контексте гибридизации международных процессов и поиска в этой связи «общего знаменателя» для понимания происходящего [8, с. 8]. Одним из результатов изысканий стало появление концепции гибридной войны.

Предпосылки появления концепции гибридной войны

Исследователи гибридной войны часто видят ее истоки в политике ограничений, которые накладывали США и, шире, страны Запада на своих противников. Прежде всего, на СССР. Можно вспомнить, например, создание в 1949 году странами НАТО и Японией Координационного комитета по экспортному контролю (КОКОМ), целью которого было обеспечение технологического отставания СССР [14, с. 62]. В 1974 году Соединенные Штаты приняли поправку Джексона – Вэника, ограничивающую торговлю США со странами с нерыночной экономикой, в которых создавались трудности для эмиграции. В 1980-е годы США и многие страны Запада бойкотировали Олимпийские игры в Москве и ввели запрет на поставку американскими компаниями в СССР электронного и нефтегазового оборудования [10, с. 58].

Вашингтон параллельно с экономическими мерами воздействия на Советский Союз активно использовал инструменты психологической (культурно-информационной) войны. Примером служит «План психологического наступления (СССР)» 1951 года [31, р. 1—16]. Согласно документу, радиостанция «Голос Америки» должна была давать в эфир информацию, дискредитировавшую советских лидеров, порядки в СССР и политику в области прав человека. Схожую тему развивали и другие западные радиостанции, что примечательно. При всей универсальности темы «права человека» — это все-таки во многом западный проект, который задумывался с далеко идущей целью — разъединить людей между собой и отделить их от власти на правовой, национальной, религиозной, материальной и иной основе и тем самым подорвать внутривнутриполитическую стабильность советской страны [17, с. 51—52].

Со времен ввода советских войск в Афганистан в арсенале США появился еще один контрагент в противостоянии с СССР — моджахеды. Причем столь знающие политики, как З. Бжезинский и Х. Клинтон признали, что начали помогать моджахедам еще до 1979 года [28] и поддерживали самые разные группы исламистов, включая «Аль-Каиду» [30].

В целом скоординированные по времени удары с разных фронтов, которые наносились по СССР и его союзникам, задали вектор концептуального становления гибридной войны [10, с. 85].

Мятежевойна Е. Э. Месснера

Рассмотрение теории гибридной войны логично начать с наследия полковника Генерального штаба российской императорской армии, участника белого движения, профессора военных наук, эмигранта и антикоммуниста Е. Э. Месснера. Изучая изменения в мире и в боевых действиях в XX веке, этот военный теоретик в работах 1950—1970-х гг. изложил свое видение неклассических войн и ввел понятие «мятежевойны» (подробнее см.: [24]). Суть его воззре-

ний такова. В современном мире главной силой становятся не только (и не столько) войска, сколько народные религиозные, расовые, общественно-организационные, общественно-этические, этнографические, племенные, идеологические, нелогические, беспринципные движения/мятежи. Эта множественность выводит на ведущие роли в конфликтах разного рода партизан, диверсантов, террористов, пропагандистов и т. д., а не собственно армии государств. Фронт столкновений виделся Месснеру в четырех измерениях — на земле, в воде, воздухе и главное — в головах воюющих народов, поскольку для него мятежевойна — это, в первую очередь, война психологическая. При таком подходе целью войны становилась не территория противника, а завоевание душ людей враждебного государства.

«Четырехблочная война» Дж. Мэттиса и Ф. Хоффмана

Считается, что термин «гибридная война» родился в США в конце 1990-х гг. [25, с. 254—255]. Определенную роль в этом сыграли печально известные события 9/11 2001 года [1] и труды высокопоставленных офицеров Корпуса морской пехоты США — генерал-лейтенанта (с 2017 по 2019 год министра обороны) Джеймса Мэттиса и особенно подполковника Фрэнка Хоффмана [15]. В ряду публикаций этих военных выделяется статья 2005 года «Будущие методы ведения войны: происхождение гибридных войн» [35]. В своих рассуждениях американские офицеры отталкивались от Национальной оборонной стратегии США 2005 года, которая выделяла четыре разновидности вызовов: 1) традиционные вызовы, исходящие от государств, обладающих достаточными силами для противостояния в обычных (классических) конфликтах; 2) нетрадиционные вызовы, исходящие от сил, нацеленных на применение нетрадиционных (необычных) методов; 3) катастрофические вызовы, исходящие от сил, заполучивших оружие массового уничтожения или обладающих такими методами, применение которых может дать эффект, сопоставимый с использованием ОМУ; 4) разрушительные вызовы, которые исходят от противников, обладающих прорывными технологиями.

И если при первом вызове США, согласно Дж. Мэттису и Ф. Хоффману, чувствовали себя достаточно спокойно, то при всех остальных ситуация выглядела иной. Угрозы нарастали ввиду того, что со стороны потенциальных противников в лице государств или негосударственных акторов Америка могла столкнуться не с одним и даже не с рядом отдельных врагов (терроризмом, партизанскими или неограниченными войнами, наркопреступностью и т. д.), а с комбинацией различных способов и средств ведения войны. Этот беспрецедентный синтез Дж. Мэттиса и Ф. Хоффмана и назвали гибридной войной, которую, опираясь исключительно на технологии или военную силу, выиграть невозможно. Для достижения победы необходимо обращаться к психологическим и информационным методам. Причем на всех уровнях — как при противостоянии с противником, так и при подготовке собственных солдат и контактах с местным населением. В этом отношении идеи Мэттиса/Хоффмана выступали дополнением — «четвертым блоком» — к концепции «трехблочной войны» другого американского генерала Чарльза Крулака, у которого «первый блок» — ведение военных действий, «второй» — гуманитарная помощь и «третий» — миротворческие операции по разведению воюющих сторон.

«Доктрина Герасимова»

Хотя осмысление гибридной войны началось еще Е. Месснером и продолжилось Дж. Мэттисом и Ф. Хоффманом, по стечению обстоятельств на Западе об этом подзабыли. Переоткрытие произошло с началом «украинского кризиса». Причем теперь отцом гибридной войны объявили начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, первого заместителя министра обороны, генерала армии Валерия Васильевича Герасимова. В качестве подтверждения ссылались на статью этого офицера «Ценность науки в предвидении» в «Военно-промышленном курьере» 2013 года. В основание данного материала В. В. Герасимов положил свой доклад «Основные тенденции развития форм и способов применения ВС, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию», прочитанный в конце января 2013 года на общем собрании Академии военных наук.

И доклад, и статья посвящены осмыслению современной войны в контексте «Арабской весны». «В XXI веке, — писал генерал, — прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира. Войны уже не являются, а начавшись — идут не по привычному нам шаблону. Опыт военных конфликтов, в том числе связанных с так называемыми цветными революциями в Северной Африке и на Ближнем Востоке, подтверждает, что вполне благополучное государство за считанные месяцы и даже дни может превратиться в арену ожесточенной вооруженной борьбы, стать жертвой иностранной интервенции, погрузиться в пучину хаоса, гуманитарной катастрофы и гражданской войны» [5]. В. Герасимов, сравнивая современные конфликты и войны прошлого, отметил, прежде всего, возросшую роль в достижении политических и стратегических целей невоенных методов (политических, экономических, информационных, гуманитарных и т. д.), реализуемых с задействованием протестного потенциала населения и дополняемых военными мерами скрытого характера, в том числе, «мероприятиями информационного противоборства и действиями сил специальных операций». Остановился В. Герасимов и на повышении значения в современных конфликтах новейших технологий, обеспечивающих дистанционное бесконтактное воздействие с противником и поражение его сил на всю глубину территории, а также дающих новые способы воздействия на него, включая информационное. При этом генерал вынужден был признать, что российская военная наука далека от понимания происходящих изменений. Сложившееся положение, по словам В. Герасимова, требовало прорыва, который был достижим лишь при комплексном подходе в осмыслении собственного армейского опыта, наработок иностранных стран и бережного отношения к трудам военных теоретиков. Только такой подход позволял выявить у потенциального противника «уязвимое место» для успешной борьбы с ним.

Статья В. Герасимова носила в целом сугубо научный характер и, возможно, не привлекала бы широкого внимания, если бы в марте 2014 года не произошло присоединение Крыма к России и вооруженного конфликта на Донбассе. Западные эксперты стали искать объяснение происходящего и нашли ответы в публикации Герасимова. Его статью перевели на английский язык и разобрали на цитаты. Теперь именно этот российский генерал стал в глазах многих западных специалистов основным теоретиком и стратегом действий России в совре-

менных военных конфликтах, включая гибридные войны [16]. Один из тех, кто развивает данный взгляд, — Молли Маккью — журналистка, специалист по постсоветскому пространству и информационным войнам, консультировавшая многих лидеров, включая грузинского экс-президента Михаила Саакашвили и бывшего премьер-министра Молдавии Влада Филата. По мнению М. Маккью, Герасимов, смешав советский и постсоветский опыт и став сторонником тотальной войны, уделяет главное внимание не прямой атаке на противника, а, скорее, «взлому» его общества по всем направлениям [36]. Развитие подобных воззрений привело некоторых авторов к убеждению, что «доктрина гибридной войны Герасимова» делает Россию даже более опасной для Запада, чем это было в годы холодной войны [23].

Приведенные суждения малосостоятельны хотя бы на том основании, что начальник Генштаба ВС России концепцию гибридной войны не разрабатывал. Он даже данный термин в статье не употреблял, а лишь несколько раз использовал словосочетание «асимметричные действия». Неправомерность обвинений в адрес генерала публично признал Марк Галеотти, с легкой руки которого и появилась «доктрина Герасимова». Этот осведомленный аналитик, занимавший посты научного сотрудника Европейского совета по международным отношениям, старшего научного сотрудника Института международных отношений в Праге, координатора Центра за Европейскую безопасность и директора консалтинговой компании Mayak Intelligence, в 2014 году получил от сотрудника Радио Свободная Европа/Радио Свобода Роберта Коулсона английский перевод статьи Герасимова и, добавив к ней комментарии, опубликовал в своем блоге, снабдив броским названием «Доктрина Герасимова» [32, 33]. С этого момента статья генерала стала восприниматься как «программный» план войны России против Запада. Развенчанию мифа о «доктрине Герасимова» мало помогло даже признание самого Галеотти, что никакой доктрины не существует, а заголовок его публикации не что иное, как журналистский прием для привлечения внимания читателей.

Сущность гибридной войны

С современной науке нет единого мнения о сущности гибридной войны (англ. hybrid warfare). Пожалуй, самое развернутое дано в справочнике «Military Balance»: гибридная война — это «использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, использующих дипломатические возможности; масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением» (цит. по: [22, с. 31]).

Рассмотрение феномена гибридной войны следует начинать с глобализации, которая существенно влияет на международную безопасность [4, с. 69], способствует транснационализации политических и военных конфликтов, облегчает перемещение через границы капиталов, людей и идей, что чревато, например, расширением ореола распространения идеологии и ячеек террористов и/или криминалитета. Опасность многократно возрастает из-за эрозии государственного суверенитета и всепроникающего Интернета. В этих условиях стано-

вится крайне сложно обезвредить сетевые трансграничные и транснациональные террористические и/или криминальные структуры. Для самих же террористов и/или криминалитета облегчается решение задачи по превращению в реальную альтернативную власть.

Глобализация стимулирует расширение коммуникационных связей, а это при определенных условиях также становится угрозой безопасности. Ведь коммуникации помогают мобилизации масс под различными лозунгами (в том числе, деструктивными), пропаганде и распространению заведомо ложной (фейковой) информации, нагнетанию панических настроений и т. д. [29]. Причем в условиях Интернета это может быстро приобрести планетарный масштаб.

Глобализация помогает также правящим режимам одной страны применять в отношении стран-противников одновременно экономические, политические и информационные формы борьбы, использовать против них кибернетические атаки, что в доглобализационный период сделать было достаточно сложно [18].

Сегодня ударной составляющей гибридных войн выступают кибернетические войны. И этому также способствовала глобализация. Ведь она стала «повивальной бабкой» рождения новой среды глобального противостояния – кибернетического пространства. Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг определил его «как военное пространство», существующее с точки зрения безопасности наравне с морским, сухопутным и воздушным [37].

Сегодня киберпространство оказывает существенное влияние на экономические, политические и культурные процессы, на развитие военного дела и технологии. С ускоряющимся переходом на цифровые системы управления производственными и технологическими процессами это влияние будет только нарастать, а вместе с ним возрастать угрозы кибернетических войн [11, с. 1].

Очевидно, что кибервойны имеют преимущества перед классическими войнами. Они не требуют огромных затрат как при полномасштабных столкновениях многочисленных армий. При кибервойнах снижается острая необходимость в продолжительной, постоянной и недешевой подготовке сотен тысяч военных, в поддержании их боеготовности и обеспечении им достойного уровня жизни. Уменьшаются траты на разработку эффективных образцов оружия или другой техники, на запуск этих образцов в массовое производство, что существенно ослабляет нагрузку на экономику, ресурсы которой могут быть задействованы в гражданских отраслях. И, наконец, как видится некоторым теоретикам, кибервойны в отличие от классических с применением больших армий не приводят к миллионным кровавым жертвам.

Цели гибридной войны

В современной гибридной войне уничтожение живой силы противника, захват территорий и ресурсов не являются первостепенными задачами. Бóльшее значение приобретает установление всеобъемлющего контроля над системой ценностей и мировидением жителей страны-противника [3]. Успешное развитие в этом направлении позволяет инициаторам гибридной войны надеяться на то, что через массивную идейно-психологическую обработку со временем можно будет поставить задачу по дестабилизации режима государства-противника, а затем в этой полностью или частично дезорганизованной стране изменить ее внутри- и/или внешнеполитический курс, сменить руководство на лояльное, установить над государством идеологический и финансово-

экономический контроль, подчинить диктату другой стороны [2, с. 49, 50; 3], т. е. вести «мягкую оккупацию» (soft occupation).

Для достижения отмеченной цели необходимо в стране-противнике найти наиболее уязвимую зону или области, менее всего поддающиеся примирению. Если следовать за конструктивистами, то таковыми могут выступать основные составляющие гибридной войны — социальные конструкты, верования и убеждения [27]. Именно в этих областях легче всего разрушить пространство диалога и на многие годы породить недоверие. В долгосрочной перспективе это, возможно, и есть наибольшая опасность гибридной войны [12]. И хотя термин «доверие» чаще употребляют в сфере межличностных отношений, без него невозможно выстраивание дружественных (доверительных) межгосударственных связей [9]. Так, лишь при доверии друг к другу Соединенным Штатам и России, которые в Сирии имеют разные геополитические цели, удавалось эффективно бороться с террористами в этой стране (см.: [6]).

Антипод доверия — недоверие, захватив умы элиты и масс, логически ведет к чрезмерной подозрительности, необоснованным обвинениям и дестабилизации международных отношений. Недоверие тесно связано с неопределенностью и непредсказуемостью. Укрепление данных тенденций чревато осложнениями в разграничении военных действий и мирных переговоров. Ведь при гибридной войне не существует гарантии, что одна из сторон, выступая с мирными инициативами, не ведет в ту же самую минуту атаку в других областях [18]. «Современная война все чаще маскируется под мир» [13, с. 281], что меняет восприятие мирного времени. Возникает ситуация, когда открытые военные действия не ведутся, идут мирные переговоры, а угрозы национальной безопасности и суверенитету сохраняются и «могут быть нарушены» [7].

В рамках неопределенности и непредсказуемости у лиц, принимающих решения, нет ясности в вопросе об интенсивности гибридной войны на конкретный момент. Они не могут точно определить, находится конфликт в нарастающей стадии или, наоборот, напряжение снижается [29]. Становится сложно (если, вообще, возможно) спрогнозировать ход и результаты противостояния. Считается, что ранее для обычных войн данный вопрос решался на основании общих сведений о соотношении вооруженных сил конфликтующих сторон, уровне их подготовки, морально-психологической обстановке в войсках и обществе, командном составе, качестве и количестве вооружений и военной техники и т. д. При гибридной войне эти причинно-следственные связи из-за специфических методов, применяемых в противостоянии, нарушены. Соответственно, нельзя, основываясь на традиционных данных, спрогнозировать шансы на победу или поражение, масштабы и продолжительность войны, потери стороны.

Проблемы неопределенности и непредсказуемости многократно возрастают, когда приходится обращаться к деятельности несостоявшихся и/или непризнанных (частично признанных) государств, а также негосударственных акторов мировой политики. Прежде всего, потому, что они сами и их решения часто находятся вне прописанных международно-правовых норм.

При гибридной войне основными точками для удара становятся уязвимые зоны. Лучшим местом атаки выступает информационное пространство, а объектом — простые люди [12]. «Гибридная война втягивает в антагонизм все население и охватывает все участки информационного пространства, включая пе-

чатные и электронные СМИ, Интернет и кибератаки, организацию семинаров, обучающих курсов с чтением лекций для сторонников оппозиционных движений и т. п.» [25, с. 236].

Инструментарий гибридных войн

Вопрос об инструментарии гибридных войн остается открытым. Большинство специалистов, правда, сходятся в предпочтительности комплексных невоенных мер воздействия. Впрочем, и военная сила полностью не отрицается. При определенных условиях она может выступать опорой для реализации невоенных мер [2, с. 48; 6]. Мы выделяем следующие инструменты гибридных войн.

Во-первых, информационные, пропагандистские и психологические методы. Ввиду их тесного переплетения мы рассматриваем их как единое целое и называем «информационной войной», которую некоторые исследователи считают «сердцевиной гибридной войны» [14, с. 65].

Информационные методы гибридных войн обычно применяются для введения государственных и военных управленцев страны-мишени в заблуждение и провоцирования их на ошибочные решения. Прежде всего, в вопросах безопасности и обороноспособности. Схожие цели преследуют и пропагандистские методы. Они, правда, могут быть нацелены и на более широкие социальные слои. При проведении пропагандистских операций активно используются ангажированные политические программы на телевидении и радио, преподносимые населению под определенным углом зрения результаты работы экспертно-аналитических центров, давление на слушателей или зрителей через троллинг и сенсационные новости.

Что касается психологических методов, то их основная задача — создание в стране-противнике атмосферы недоверия, неопределенности и непредсказуемости. Для этого лучше всего подходят фейковые новости. С их помощью можно, например, дискредитировать лидера или политику государства-мишени. Значение фейковых новостей заключается в том, что в данном случае совершенно не важно, разоблачена ложь или нет. Ведь цель таких «новостей» не в донесении до аудитории определенной информации, а апелляция к ее чувствам. В итоге при любом исходе от фейковых новостей в головах людей остается «определенный осадок», на который можно опираться при проведении в будущем новой кампании против страны-мишени.

При отсутствии эффективной системы разоблачений современные технологии многократно упрощают создание фейковых новостей и усиливают их воздействие на чувства людей. Например, через генерирование голоса или создание цифровой модели государственного деятеля, используя для этого богатый опыт, накопленный в кинематографе [26]. В создавшейся ситуации обыватель, понимая, что его могут обмануть (и, вероятнее всего, уже обманывают), перестает верить всему и всем.

Еще один канал при проведении психологических операций — распространение в стране-противнике через так называемую «массовую культуру» нетипичных, а то и чуждых населению ценностей и идей. Конечная цель та же, что и при создании фейковых новостей, — бросить тень сомнения на некие объективно существующие истины. В результате в обществе падает доверие к вла-

стям, нарастают неопределенность и непредсказуемость, чем и достигается нужный результат.

Второй инструмент гибридной войны — кибернетические атаки. Кибер-воины взламывают информационные системы государственных институтов, критически важных объектов, финансовых и коммерческих центров и таким путем получают возможность использовать украденную информацию для достижения желаемых результатов. Кибервойны особенно опасны при участии в них кибер-воинов государственных разведывательных или военных структур вроде британской 77-й бригады (77th Brigade) или американского кибер-командования USCYBERCOM [22, с. 32—33].

Потенциальному противнику, ожидающему кибер-удара, крайне сложно определить технологический уровень оснащенности кибер-воинов, уровень их вооружений и преследуемые цели. В итоге у него укрепляются неопределенность и непредсказуемость. И страна, рассматривающая себя мишенью, может предпринять превентивные меры защиты, которые, в свою очередь, другой стороной могут быть восприняты как агрессивные и спровоцировать большой конфликт.

Следующими в инструментарии гибридных войн являются экономические методы прямого и косвенного воздействия. Практика их применений весьма широка — от ограничения доступа к энергоносителям и спекуляций с ценами до введения разнообразных санкций, объявления эмбарго, прекращения инвестиций, блокирования финансовых счетов отдельных лиц и даже правительств государств-мишеней [21; 22, с. 34; 29]. Причем в условиях глобализации данный инструментарий все чаще использует киберпространство. Яркие примеры — отключение Ирана от системы SWIFT в 2018 году и атака на систему электроэнергетики Венесуэлы в 2019 году.

Четвертым инструментом в нашем ряду выступают политико-дипломатические методы. При их использовании дипломаты оказывают поддержку в стране-мишени предпочтительным политическим партиям или конкретным лидерам. Часто это происходит открыто. Например, при постановке вопросов о положении в стране «удобных» лидеров и их объединений во время официальных визитов, встреч на высоком уровне или через приглашение предпочтительных политиков на приемы в посольство. Но не всегда применение политико-дипломатических инструментов носит открытый характер. Сохраняется практика скрытой или полуофициальной поддержки дипломатическими структурами протестных и/или сепаратистских движений в стране-мишени через их финансирование по линии грантов или предоставление площадок для информационной работы. В результате в стране-противнике должна укрепиться так называемая «пятая колонна» или агенты влияния, что может облегчить подготовку и проведение «цветных революций».

Кроме того, в рамках политико-дипломатических инструментов гибридной войны сохраняются «старые как мир» традиционный шпионаж сотрудников спецслужб, работающих под дипломатическим прикрытием, подкуп, шантаж, вымогательство и другие способы оказания давления на политических лидеров страны-противника для достижения собственных целей [29].

Пятым в инструментарии гибридных войн выступают мероприятия по поддержке в борьбе со страной-противником организованного международного терроризма, экстремизма и криминалитета [34].

Шестым методом остается применение военной силы или угроза ее применения [20]. Впрочем, этот путь в рамках гибридной войны, как отмечалось выше, используется скорее как сопутствующий.

В конце разговора об инструментарии гибридной войны заметим: набор методов при ее проведении непостоянен и определяется решаемыми задачами или интенсивностью противостояния со страной-мишенью. При этом сохраняется главный принцип использования инструментов — их *синергетическое* применение для получения наибольшего эффекта.

Правовые вопросы гибридной войны

При всех проблемах, связанных с гибридной войной, вычленим ведущую — отсутствие «правил игры». Если для ведения классических войн с конца XIX века прописывались определенные юридические нормы (Гаагская Конвенция о законах и обычаях сухопутных войн 1899 года, Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1929 года и т. д.), то для гибридной войны международно-правовой фундамент, согласованный и всеми признанный, отсутствует. То есть в современном мире имеется нерегулируемая правовая «серая зона». Причем начинается она с определения термина «агрессия».

В статье 1 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1974 года зафиксировано: «Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено настоящим определением» [19]. Но в отношении гибридных войн данная статья не работает. По крайней мере, в трех областях: 1) для рассматриваемой статьи Устава ООН требуются два субъекта — две стороны конфликта, но при гибридной войне эти стороны часто не определены да и сама атака не объявляется; 2) в документе ООН речь идет о государствах, а в гибридных войнах могут участвовать негосударственные структуры и/или непризнанные страны; 3) статья в Уставе ООН подразумевает агрессию с массированными ракетно-бомбовыми ударами по территории противника и использование против него больших сил всех родов войск. Гибридная же война, наоборот, предусматривает минимальное применение военно-силовых форм.

Риски гибридной войны (вместо заключения)

Приведенный материал показывает, что гибридная война сочетает многие угрозы. В том числе, потому, что находится вне рамок прописанных международно-правовых норм, т. е. она нелегитимна. Еще один аспект проблемы — появление принципиально новых видов оружия. В частности, климатического, которое в силу неочевидности его применения может стать «идеальным средством ведения „гибридного“ противоборства» [22, с. 35]. Сложившееся положение порождает крайне опасные и взаимосвязанные тенденции. Каждое государство имеет право проводить политику в области безопасности на всех жизненно важных направлениях, однако в условиях правовой «серой зоны» и международного недоверия эти меры защиты могут быть оценены другими акторами мировой

политики как агрессивные, как объявление войны. Итогом может стать крупномасштабный военный конфликт. Последнее особенно опасно, если речь заходит о странах с ядерным оружием.

Библиографический список

1. *Артюх В.* Туман «гибридной войны»: Почему вредно мыслить гибридно // *Спільне*. 2016. № 10. С. 124—132.
2. *Бартош А. А.* Парадигма гибридной войны // *Вопросы безопасности*. 2017. № 3. С. 44—61.
3. *Бартош А. А.* Гибридная война становится новой формой межгосударственного противоборства // *Независимое военное обозрение*. 2017. № 12. 7—13 апреля.
4. *Бартош А. А.* Основы международной безопасности. Организации обеспечения международной безопасности: учеб. пособие для бакалавриата и специалитета. М.: Юрайт, 2018. 247 с.
5. *Герасимов В.* Ценность науки в предвидении // *Военно-промышленный курьер*. 2013. № 8 (476). 27 февраля.
6. *Герасимов В.* По опыту Сирии // *Военно-промышленный курьер*. 2016. № 9 (624). 9 марта.
7. *Герасимов В.* Мир на гранях войны // *Военно-промышленный курьер*. 2017. № 10 (674). 15 марта.
8. Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / под ред. проф. П. А. Цыганкова. М.: Горячая линия — Телеком, 2017. 356 с.
9. *Головченко Д. П.* Теоретические аспекты доверия в международных отношениях // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2017. № 10. С. 112—118.
10. *Егорченков Д. А., Данюк Н. С.* Гибридный дракон и химера войны. М.: ЮНИТИ, 2019. 366 с.
11. Кибербезопасность гражданских ядерных объектов: оценивая угрозу, намечая путь вперед: резюме доклада ПИР-Центра. Июнь 2016. М.; Женева, 2016. С. 1—4. URL: <https://www.pircenter.org/media/content/files/13/14751015280.pdf> (дата обращения: 03.10.2020).
12. *Козак Ю.* Туман «гибридных» войн сгущается над миром // *Красная звезда*. 2019. 26 апреля.
13. *Невская Т. А.* Информационная составляющая гибридных войн // *Вестник Московского университета. Серия: Социология и политология*. 2015. № 4. С. 281—284.
14. *Панарин И.* Гладиаторы гибридной войны // *Экономические стратегии*. 2016. Т. 18, № 2. С. 60—65.
15. *Першин Ю. Ю.* Записки о «гибридной войне» // *Вопросы безопасности*. 2016. № 4. С. 63—85.
16. *Плеханов И.* «Доктрина Герасимова» и пугало «гибридной войны» России // *РИА Новости*. 28.06.2017. URL: <https://ria.ru/20170628/1497445931.html> (дата обращения: 21.02.2021).
17. *Полынов М. Ф.* Холодная война как способ борьбы США против СССР // *Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana)*. 2008. № 3. С. 36—54.
18. *Пушкина М. А., Чирков П. С.* Теория современных гибридных войн // *Аллея науки: научно-практический электронный журнал*. 2017. Т. 2, № 8. С. 629—642.
19. Резолюция 3314 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 03.10.2020).

20. *Савинкин А. Е.* Гибридная война: проблемы и перспективы постконфликтного урегулирования (Часть I) // Независимое военное обозрение. 2015. № 9. 13—19 марта.

21. Сущность гибридной войны и ее инициаторы // Центр стратегических оценок и прогнозов. 11.11.2017. URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/348/sushhnost-gibridnoj-voynu-i-ee-inicziatory-8102> (дата обращения: 15.10.2020).

22. *Тиханьчев О. В.* Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30—43.

23. *Фой Г.* Валерий Герасимов — генерал с доктриной для России // Иносми.ру. (Financial Times. 16.09.2016). URL: <https://inosmi.ru/military/20170916/240301201.html> (дата обращения 25.08.2019).

24. Хочешь мира, победы мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М.: Военный университет: Русский путь, 2005. 696 с.

25. *Цыганков П. А.* Политический дискурс и международная практика // Вестник Московского университета. Серия: Социология и политология. 2015. № 4. С. 253—258.

26. *Bilton N.* Fake news is about to get even scarier than you ever dreamed // Vanity Fair. 01.2017. URL: <https://www.vanityfair.com/news/2017/01/fake-news-technology> (дата обращения: 13.02.2021).

27. *Braspenning T.* Theorie sociale-constructiviste de l'enlissement des guerres hybrides // Texte préparé en vue de sa discussion aux Joint Sessions for Workshops, Grenoble, 6—11 Avril 2001, Workshop № 25: Théories de la Guerre. P. 1—26. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/a4191549-4914-45e9-b258-12b621a82ef6.pdf> (дата обращения: 15.12.2020).

28. *Brzezinski Z.* «Oui, la CIA est entrée en Afghanistan avant les Russes...» // Le Nouvel Observateur. 15.01.1998. URL: <https://www.voltairenet.org/article165889.html> (дата обращения: 27.02.2021).

29. *Chivvis Ch. S.* Understanding Russian «Hybrid Warfare»: And What Can Be Done About It. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017. 12 с.

30. *Clinton H.* USA created Al Qaeda to CNN channel // YouTube. 04.03. 2002. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vAO_f-cuX-k (дата обращения: 23.02.2021).

31. Emergency plan for psychological offensive (USSR) Central Intelligence Agency. 1951. P. 1—16. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP80R01731R003500180030-6.pdf> (дата обращения: 23.02.2021).

32. *Galeotti M.* The «Gerasimov Doctrine» and Russian Non-Linear War. 06.07.2014. URL: <https://inmoscowsshadows.wordpress.com/2014/07/06/the-gerasimov-doctrine-and-russian-non-linear-war/> (дата обращения: 23.02.2021).

33. *Galeotti M.* I'm Sorry for Creating the «Gerasimov Doctrine» // Foreign Policy. 05.03.2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/03/05/im-sorry-for-creating-the-gerasimov-doctrine/> (дата обращения: 23.02.2021).

34. *Iliopoulos I.* Hybrid Wars as a Tool of Globalization // YouTube. 22.12.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Kj2HMppimeM> (дата обращения: 23.02.2021).

35. *Mattis J., Hoffman F.* Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // USNI. 2005. Vol. 132/11/1, 233. URL: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf> (дата обращения: 08.02.2021).

36. *McKew M.* The Gerasimov Doctrine // POLITICO Magazine. 05.09.2017. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2017/09/05/gerasimov-doctrine-russia-foreign-policy-215538> (дата обращения: 23.02.2021).

37. *Stoltenberg J.* The Three Ages of NATO: An Evolving Alliance. Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Harvard Kennedy School, 23.09.2016. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_135317.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.02.2021).

References

Bartosh, A. A. (2017) Paradigma gibridnoi voyny [Hybrid Warfare Paradigm], *Voprosy bezopasnosti* [Security questions], no. 3, pp. 44—61.

Bartosh, A. A. (2018) *Osnovy mezhdunarodnoi bezopasnosti. Organizatsii obe-specheniia mezhdunarodnoi bezopasnosti* [Fundamentals of International Security. Providing organizations between. people's security], Moscow: Iurait.

Braspenning, T. (2001) Theorie sociale-constructiviste de l'enlissement des guerres hybrids, in *Texte préparé en vue de sa discussion aux Joint Sessions for Workshops*, Grenoble, 6—11 Avril 2001, Workshop no. 25: Théories de la Guerre, pp. 1—26.

Chivvis, Ch. S. (2017) *Understanding Russian «Hybrid Warfare»: And What Can Be Done About It*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.

Egorchenkov, D. A., Daniuk, N. S. (2019) *Gibridnyi drakon i khimera voyny* [Hybrid Dragon and Chimera of War], Moscow: IuNITI.

Golovchenko, D. P. (2017) Teoreticheskie aspekty doveriia v mezhdunarodnykh ot-nosheniakh [Theoretical aspects of trust in international relations], *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [Actual problems of modern international relations], no. 10, pp. 112—118.

Khochesh' mira, pobedi miatzehevoinu! Tvorcheskoe nasledie E. E. Messnera (2005) [If you want peace, defeat the rebellion-war! The creative heritage of E. E. Messner], Moscow: Voennyi universitet; Russkii put'.

Kiberbezopasnost' grazhdanskikh iadernykh ob"ektov: otsenivaia ugrozu, namechaia put' vpered: reziime doklada PIR-Tsentra [Cybersecurity of Civilian Nuclear Facilities: Assessing the Threat, Charting the Way Forward: PIR Center Report Summary], Iun' 2016, Moscow; Zheneva, pp. 1—4.

Mattis, J., Hoffman, F. (2005) Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars, *USNI*, vol. 132/11/1, 233, available from <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf> (accessed 10.09.2021).

McKew, M. (2017) The Gerasimov Doctrine, *POLITICO Magazine*, available from <https://www.politico.com/magazine/story/2017/09/05/gerasimov-doctrine-russia-foreign-policy-215538> (accessed 10.09.2021).

Nevskaia, T. A. (2015) Informatsionnaia sostavliushchaia gibridnykh voyn [Information component of hybrid wars], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: «Sotsiologiya i politologiya»* [Bulletin of Moscow University. Series: Sociology and Political Science], no 4, pp. 281—284.

Panarin, I. (2016) Gladiatory gibridnoi voyny [Gladiators of Hybrid War], *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], vol. 18, no. 2, pp. 60—65.

Pershin, Iu. Iu. (2016) Zapiski o «gibridnoi voine» [Notes on "Hybrid War"], *Voprosy bezopasnosti* [Security Issues], no. 4, pp. 63—85.

Polynov, M. F. (2008) Kholodnaia voina kak sposob bor'by SShA protiv SSSR [The Cold War as a Way of the USA's Fight against the USSR], *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Wednesday. Development (Terra Humana)], no. 3, pp. 36—54.

Pushkina, M. A., Chirkov, P. S. (2017) Teoriia sovremennykh gibridnykh voyn [The theory of modern hybrid wars], *Alleia nauki: nauchno-prakticheskii elektronnyi zhurnal* [Science Alley: scientific and practical electronic journal], vol. 2, no 8, pp. 629—642.

Sushchnost' gibridnoi voyny i ee initsiatory (2017) [The essence of hybrid war and its initiators], *Tsentr strategicheskikh otsenok i prognozov* [Center for Strategic Assessments and Forecasts], available from <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/348/sushchnost-gibridnoj-voyny-i-ee-initsiatory-8102> (accessed 15.10.2020).

Tikhanychev, O. V. (2020) Gibridnye voyny: novoe slovo v voennom iskusstve ili khorosho zabytoe staroe? [Hybrid wars: a new word in the art of war or a well-forgotten old one?], *Voprosy bezopasnosti* [Security questions], no. 1, pp. 30—43.

Tsygankov, P. A. (2015) Politicheskii diskurs i mezhdunarodnaia praktika [Political discourse and international practice], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: «Sotsiologiya i politologiya»* [Bulletin of Moscow University. Series: Sociology and Political Science], no 4, pp. 253—258.

Tsygankov, P. A. (ed.) (2017) *Gibridizatsiia mirovoi i vneshnei politiki v svete sotsiologii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Hybridization of world and foreign policy in the light of the sociology of international relations], Moscow: Goriachaia liniia-Telekom.

Статья поступила в редакцию 31.05.2021 г.

Сведения об авторах

Черноперов Василий Львович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, vlchernoperov@rambler.ru

Сулейманова Умус Илдырымовна — консультант аппарата ситуационного центра губернатора Ивановской области, г. Иваново, Россия, umusss_ya@mail.ru

Information about the authors

Chernoperov Vasily Lvovich — Dr. Sc. (History), Head of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, vlchernoperov@rambler.ru

Suleymanova Umus Ildyrymovna — consultant of the situation center staff of the Governor of the Ivanovo region, Ivanovo, Russian Federation, umusss_ya@mail.ru